

УДК 340

О ВАЖНОСТИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

© 2024 г. В. С. Горбань

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: gorbanv@gmail.com

Поступила в редакцию 22.07.2024 г.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития историографических исследований политико-правовых учений с точки зрения уточнения роли и значения соответствующих результатов в современной юридической науке, а также проблематика совершенствования методологических основ формирования российской историографической модели политико-правовых знаний. В исследовании показано, что отсутствие разработанных и непротиворечивых моделей историографии политико-правовых учений в зарубежной и отечественной юридической литературе связано с определенными трактовками исторического знания и познавательных принципов, отказом от историзма в общественных науках, утвердившимся и распространявшимся особенно в XX в. в западноевропейской литературе, неразработанностью типов развития национальных литератур, освещающих вопросы возникновения и развития политико-правовых знаний. В плане совершенствования подходов к историографическим исследованиям политико-правовых знаний обозначаются возможности более глубокой проработки влияния общественно-религиозного сознания, жанровых особенностей, сюжетов и средств выразительности, языковедческих характеристик сочинений ученых и других изучаемых текстов. В методологическом направлении важную роль может играть обращение к конструктам, сформировавшимся в русской философской литературе, в частности в работах П.А. Флоренского.

Ключевые слова: историография, политико-правовые учения, российская историографическая модель, философия истории, национальные типы развития права, антиисторизм, методы историографии права, общественно-религиозное сознание, Флоренский.

Цитирование: Горбань В. С. О важности и методологических аспектах историографических исследований политических и правовых учений // Государство и право. 2024. № 8. С. 41–54.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институт государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224080048

ON THE IMPORTANCE AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF HISTORIOGRAPHICAL RESEARCH OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

© 2024 V. S. Gorban

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: gorbanv@gmail.com

Received 22.07.2024

Abstract. The article examines the issues of the development of historiographical studies of political and legal doctrines from the point of view of clarifying the role and significance of the relevant results in modern legal science, as well as the problems of improving the methodological foundations of the formation of the Russian historiographical model of political and legal knowledge. The study shows that the lack of developed and consistent models of historiography of political and legal doctrines in foreign and domestic legal literature is associated with certain interpretations of historical knowledge and cognitive principles, the rejection of historicism in the social sciences, which was established and spread especially in the twentieth century in Western European literature, the undeveloped types of development of national literatures covering the issues of origin and development of political and legal knowledge. In terms of improving approaches to historiographical research of political and legal knowledge, the possibilities of a deeper study of the influence of socio-religious consciousness, genre features, plots and means of expression, linguistic characteristics of the works of scientists and other studied texts are indicated. In the methodological direction, an important role can be played by referring to the constructs formed in the Russian philosophical literature, in particular the works of P.A. Florensky.

Key words: historiography, political and legal doctrines, Russian historiographical model, philosophy of history, national types of development of law, anti-historicism, methods of historiography of law, socio-religious consciousness, Florensky.

For citation: Gorban, V.S. (2024). On the importance and methodological aspects of historiographical research of political and legal doctrines // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 41–54.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences” with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Историография составляет незаменимую часть наук о человеке и обществе. Логически она представляет собой историю истории или точнее истории соответствующей исторической науки, ее разделов и направлений в общих и специальных дисциплинах исторического профиля, т.е. наука об истории науки. И от того, как пишется история науки, зависит очень многое в развитии самой науки, которой она посвящена.

П.Н. Миллюков в своих очерках «Главные течения русской исторической мысли» определял творческую задачу историографа следующим образом: «Дать общую картину развития и взаимной смены тех теорий и общих взглядов, которые осмысливали для предшествовавших поколений специальную работу над русской историей»¹.

¹ Миллюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913. С. 1.

В историографии фиксируются достижения и преимущественные хронологические открытия, новые подходы, наполняется содержательная сторона науки, так сказать, ее материя, которая тщательно разрабатывается дальше и глубже, в ней определяются маркеры, индикаторы, векторы, направления и ватерлинии, которые придают ей определенную устойчивость.

Все эти установки должны служить открытому, беспристрастному, направленному на благо человечества поиску истины, будь то в вопросах гуманитарного или социального профиля, будь то в естественных или технических науках. Однако для этого наука должна созреть, достичь до уровня такого самосознания, когда в ней почти не остается места односторонним, узконаправленным, идеологическим и прочим манипуляциям, искажениям, фальсификациям. В истории общественной мысли много было и остается тенденций, интерпретаций,

упрощенных схематизаций, квази-религиозных попыток произвольного интеллектуального патентования идей и учений. Этому способствовали разные условия, причины, факторы, которые двигали мысль по разным путям. Для современной науки, обладающей несравненно большими возможностями в сравнении с предшественниками в части охвата материала, обмена информацией, методами и приемами исследования, открываются совершенно удивительные и уникальные возможности построения более эффективных науковедческих и историографических моделей, которые могут служить качественно более эффективному и в определенных направлениях прорывному развитию общественных, в том числе юридических, наук.

Уже давно конкурентом требования о поиске истины в науках объявили себя новые подходы к знаниям, которые ориентируются на идею самой процедуры поиска. Последние именуется по-разному. Речь идет о дискурсах, новых типах рациональности и прочих аналогичных приемах. Главным в них оказывается не вопрос о природе истины, который ими просто снимается, а способ пользования знаниями (в инструментально-прагматических вариантах), способ аргументации с определенными типом редукционизма — методологического (относительно чистоты средств познания), онтологического, дискурсивно-учредительного, где сам разговор существенно доминирует над его предметом, либо последний вообще исключается. Родословная данных подходов может быть отыскана прежде всего в таких философских учениях, как эмпириокритицизм, логико-феноменологические концепции, неокантианство, для которых принципиальным становился переход от изучения закономерностей причинно-следственных связей к характеру познания, интенциям и прочим модальностям. Данные подходы помогают внести ряд важных уточнений в научные исследования, показать изучаемые проблемы в новом свете, преодолеть некоторые ограничения классических приемов познания. Однако они не могут заменить традиционные представления о науке, а лишь только дополнить. Другое понимание ведет к искажению представлений о познании и его методах. На деле это вызывает то, что труд подменяется игрой в аргументы, а философия права, в частности, превращается в филодоксию права, любовь к мудрости в любовь к мнениям, причем любым, а не только авторитетным. Это предупреждение сделано еще Кантом², и с некоторыми уточнениями оно оказывается совершенно справедливым относительно тенденций развития современного политико-правового знания, причем

как в общетеоретических, так и отраслевых юридических науках.

Названные подходы во многом совпадают с основоположениями и ценностными установками определенного типа общественно-религиозного сознания. В русле западноевропейской философии наиболее рельефно проявлялись и сохраняют свое значение основы инославных версий христианства в виде католицизма и протестантизма. Г.Ф. Шершеневич справедливо назвал те перемены, которые возникли в философии права в связи с Реформацией и протестантизмом, результатами борьбы за религиозную свободу³. Реформация привела постепенно к «освобождению» от догматов католической церкви, вообще утвердив в протестантской Европе, особенно в Германии, Англии, Швейцарии отрицательное отношение к ссылкам на авторитетные мнения, на которые опиралась не только религиозная догматика, но и вся европейская философия. Утверждается непознаваемость вещей, которая означает, что любая догматика недостоверна (под натиском этого положения рушился и весь интеллектуальный каркас доктрины естественного права), а все внимание философии сосредотачивается на гносеологии, причем нацеленной исключительно на самоочевидные (еще, по Декарту) закономерности познающего мир сознания. Большое значение имели и имеют и другие положения протестантской догматики. В философии права, в истории политической и правовой мысли они оказали и оказывают существенное влияние на базовые установки, которые формируют глубинные основы и внешний облик различных направлений мысли. Это просто исторический факт, который непременно должен учитываться, если речь идет о намерении действительно показать подлинную картину содержания и характера европейской политико-правовой мысли. Это имеет чрезвычайно важное методологическое значение как для истории политико-правовой мысли, так и для ее историографии.

В связи с приведенными соображениями в рамках христианской традиции возникает три принципиально значимых установки гносеологического порядка. В учении неразделенной Церкви, в православии утверждается принцип согласного мнения, “consensus patrum” («согласия отцов»), сформулированный в V в. прп. Викентием Лиринским. В католическом богословии появляется принцип учительства Церкви, догматического развития. В протестантизме принцип личного богообщения и богопознания. Современники Канта наперебой писали о том, что его философское учение, в том числе «Метафизические начала учения о праве»,

² См.: Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. М., 1994. С. 35.

³ См.: Шершеневич Г.Ф. История философии права. 2-е изд. СПб., 1907. С. 208 и др.

предоставляет подлинную свободу духа, что тот, кто пожелал бы теперь рассуждать о философии, должен избавиться раз и навсегда от ссылок на авторитеты прошлого⁴. Как раз в год издания кантовского учения о праве и в связи с данным сочинением А. Бергк пишет, что мнения авторитетов прошлого и более нового времени, где они «образовывали систему», «непроизвольно парализовали свободу духа и подвергали независимость других опасности рабства»⁵. Г. Штефани, современник Канта, в своих комментариях по случаю издания Кантом работы «Метафизические начала учения о праве» заметил, что «тот, кто отваживается теперь говорить о темах, о которых вещает глубокомысленный язык Канта, должен раз и навсегда отказаться от пристрастия к авторитетам и придаваться только вопросам истины»⁶.

Это была очень заманчивая идея, да еще и созвучная античным классикам. В контексте конкретного времени, противостояния католической традиции и протестантизма это приобретает конкретно-исторический смысл. Однако было большим заблуждением полагать, что, например, немецкая идеалистическая философия совершенно отделена от общественно-религиозного сознания протестантской Германии, что некритическое восприятие учения самого Канта, в том числе в вопросах правопонимания и правопознания, способно показать исчерпывающим образом проблему свободы как одну из сквозных в истории политико-правовой мысли.

В истории политико-правовой мысли должны быть значительно глубже разработаны вопросы о том, что для литературы и интеллектуальной культуры, опирающейся на православие, проблема поиска истинного знания, которое акцентирует требование согласности авторитетных размышлений, избыточности абсолютных утверждений и определений, исторической целостности знания, имеет основополагающее значение. Аналогично в католической традиции, которая уже с Блаженного Августина нацелена на иной тип поиска знаний, связанный прежде всего с возможностью догматического развития, исправления основоположений религиозного вероучения. Отсюда и аналогии католических догматов с юридическими конструкциями римского права, а также обвинения в излишней «юридизированности». Для протестантизма — непознаваемость вещей, принципиальная

незавершенность познания, решительный разрыв с догматикой, субъективный смысл и коммуникация как источники означивания. Соответственно, в истории юридической литературы, философских правовых сочинений, как правило, ключевые сюжеты, познавательные установки, характер научной терминологии и художественной тропированности, связанные с фундаментальной ролью общественно-религиозного сознания и традиций, могут распознаваться и демонстрировать глубокие пласты транслируемой в текстах поучительности, социальной практичности и значимости для общечеловеческой культуры и возможности усвоения соответствующих смыслов в других культурах.

В историографическом плане весьма уязвимой выглядит давно устоявшаяся практика освещения истории политико-правовой мысли исключительно через формирование католической философии в Западной Европе, борьбу за религиозную свободу в протестантской философии и некое перенесение «подлинной» философии на русскую почву в XVIII в. Это попытка смотреть на мир чужими глазами. Для модных веяний XVIII и XIX вв. это вполне понятно. Но сегодня это уже атавизм. Под историей политико-правовой мысли вообще подается история развития национальных литератур и философий (в философии часто утверждается, что настоящая философия всегда во множественном числе) преимущественно в странах Западной Европы. Эта история содержательна, показывает важные аспекты мировой истории политико-правовой мысли, но никоим образом их не исчерпывает и не должна подменять их. И даже относительно истории политико-правовой мысли стран Западной Европы в науке остается чрезвычайно много белых пятен и неточностей, которые нуждаются в основательных общетеоретических и специальных исследованиях.

Б. Н. Чичерин писал: «Человеческой мысли свойственно двигаться через односторонние начала, чтобы достигнуть полноты развития. Она покидает историческую почву, но для того только, чтобы снова к ней возвратиться с более богатым содержанием»⁷.

Антиисторические тенденции, к сожалению, активно пропагандировались в европейском сознании давно, особенно в XX в. (К. Поппер и др.) Как ни странно, в контексте истории XX в. идеологическая марксистская платформа, пришедшая к нам из Германии, со всеми ее ограничениями позволила в итоге значительно обогатить историческую науку за счет исследований материальной культуры, исторической обусловленности фаз

⁴ См.: *Bergk J.A.* Briefe über Immanuel Kant's Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, enthaltend Erläuterungen, Prüfung und Einwürfe. Leipzig; Gera, 1797.

⁵ *Ibid.* S. IX.

⁶ *Stephani H.* Anmerkungen zu Kants metaphysischen Anfangsgründen: des Rechtslehre. Bei Johann Jakob Palm, 1797. Предисловие.

⁷ *Чичерин Б.Н.* История политических учений: в 5 ч. Ч. 1. Древность и Средние века. М., 1869. С. 2.

общественного развития, расширения географии исторических исследований, внимания к собственной культуре и литературе, а также за счет обстоятельной во многих отношениях критики идеалистических трактовок истории в западной литературе, позиций и тенденций отказа от историзма. Все это в совокупности дает возможность, используя достижения «односторонних начал», постараться приблизиться к обеспечению полноты развития истории и историографии политико-правовой мысли сегодня, соединяя успехи идеалистических и материалистических трактовок. Например, в области национальной истории, истории литературы, фольклора, языкознания и других областях знаний в советской науке были созданы передовые работы, потенциал которых для уточнения и развития истории политико-правовой мысли очень большой и используется пока недостаточно.

В настоящее время на уровне доктринальных актов (например, ЕС) утверждается дискурсивное отношение к истории как исключительно верное⁸. Оно не служит дополнением к существующим подходам, вовсе не направленно на расширение знаний, а лишь на сохранение себя — в данном случае Европы — как центра интеллектуального лицензирования на право иметь историю и науку о ней. Официально декларируется всеобъемлющая позиция о том, что для современного видения развития, по мнению европейских ученых и политиков, необходимо отказаться от вопроса «что?», не спрашивать, что есть история, что представляют собой те или иные события в истории, отказаться от хронологии, проблематизации, любых попыток ставить вопрос о достоверности в исторической науке и политической практике обращения с ней. На смену этому предлагается исключаящий другие вопрос «как?», который означает лишь то, как логически мы думаем об истории, какие логически чистые средства мышления мы используем для анализа исторических фактов. Можно было бы увидеть здесь определенную привязку к кантианству или неокантианству. Однако на самом деле речь идет о том, что на первый план выдвигается идея об условиях, при которых современное европейское сообщество признает или не признает те или иные исторические факты существующими или не существующими. В таком подходе кроется чрезвычайная опасность для науки. Кто-то будет каким-то образом признавать факты?! Как минимум, для такой самоаттестации субъект признания должен был бы обладать кристально безупречной (исторической) репутацией, которой безусловно доверяли бы другие. Однако это скорее из области

фантастики, тем более для европейской истории. Достаточно вспомнить приговор Нюрнбергского трибунала⁹, который должен изучаться не только в рамках специальных юридических наук, например международным уголовным правом, но также и даже в первую очередь философией права и теорией права, служить важнейшим ориентиром для описания и анализа истории политической и правовой мысли XX в., разработки сквозных в истории политико-правовой мысли тем и проблематик, таких как дихотомия войны и мира, характер западноевропейской политической и юридической мысли, эволюция которой связана в том числе с утверждением опасной для человечества национал-социалистической идеологии.

В связи с попытками отказа от принципа историзма и подмены его логическими интерпретациями истории как правилами относительно условий признания исторических фактов необходимо вспомнить о тех опасностях, которые впервые в мировой литературе были описаны российским писателем Е.И. Замятиным в его книге «Мы», говоря о рисках тотальных утопических проектов, антиисторический вектор которых приводит к лишению способности человека к воображению, способности мыслить себя и свое будущее, к утрате души человека и общества¹⁰.

В зарубежной литературе историографического характера все более популярными становятся попытки внедрения инструментально-прагматичного (пользовательского) отношения к истории, которое обосновывается в качестве доминирующей философско-логической концепции. Историк из шведскоязычного университета Академия Або в г. Турку (Финляндия) Й. Альског, критикуя отношение к прошлому в истории как набору «очевидных, психологических, практических и ретроспективных проблем», предлагает свою трактовку, согласно которой историческое отношение к прошлому является неотъемлемым продуктом логических принципов истории как метода. Альског утверждает, что исторический метод формирует и делает возможным отношение к прошлому в исторических исследованиях, привлекая прошлые смысловые точки зрения для того, чтобы сделать реальность понятной¹¹.

Альског называет исследование связи логических и исторических аспектов в исторических исследованиях «одной из самых фундаментальных

⁹ См.: *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.

¹⁰ См.: *Замятин Е.И.* Мы. Повести и сказки. СПб., 2021.

¹¹ См.: *Ahlskog J.* The Primacy of Method in Historical Research: Philosophy of History and the Perspective of Meaning. Routledge, 2020.

⁸ См.: European Parliament resolution of 17 January 2024 on European historical consciousness (2023/2112(INI)) // https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0030_EN.html

дискуссий в гуманитарных науках на сегодняшний день»¹². Он задается вопросом — главный вопрос в его книге, — как понимать отношения между прошлым и настоящим? Ответ видится ему исключительно в правильно подобранной системе (логических) условий, при которых сведения об истории могут быть признаны сегодня.

«В отличие от тенденции фокусироваться на темпоральности, ретроспективности и повествовании, — пишет ученый, — <...> все наше отношение к прошлому в исторических исследованиях в основном опосредовано логическими принципами истории как метода, а не концепциями времени и литературной формы. В отличие от ревизионистских проектов, предлагающих психологические или эмпирические теории для объяснения исторических отношений с прошлым, <...> задача философии понимается как описательная, заключающаяся в объяснении предпосылок, условий и априорных концепций исторического метода. Кроме того, и это, пожалуй, наиболее спорно, <...> современной философии истории все еще есть чему поучиться у классических работ в этой области Р.Г. Коллингвуда, Майкла Оукшотта и Питера Уинча»¹³.

Несмотря на все усилия быть оригинальным, предложения шведско-финского ученого не новы и не раз предпринимались в истории. Явный дефицит в знаниях мировой литературы часто сказывается на попытках быть оригинальным. Поэтому многие теоретические и методологические построения часто оказываются несостоятельными, если они предварительно не опираются на внушительную, по возможности полную источниковедческую основу, знание историографических моделей и научных поисков. Мысль Альскога весьма незатейлива. Она заключается в том, что историю не надо изучать как факт, событие и пр., как их связь, последовательность и т.п. Для него важным представляется повторение интеллектуального подвига Гегеля и других идеалистов, но с акцентом на более современных авторов. Историю, как полагает Альског, нужно подчинить логическому методу, причем сделать это полностью. Именно метод должен доминировать над историей, а не история над методом.

История больше не наставница жизни (Цицерон) и даже не наставница мысли (Чичерин), она есть не более чем «правильное» методологическое отношение к ней, так сказать, чистые формы мышления о ней, о чем мечтали кантианцы и особенно неокантианцы. В основе транслируемого Альскогом понимания исторического познания лежит

безусловная апологетика идеализма. Но в отличие от классических идеалистов прошлого (он приводит имена Д. Беркли и Г. Гегеля), которые следовали либо генетическому (причинному) идеализму, как Беркли, либо абсолютному идеализму, как Гегель, рассматриваемый автор предлагает методологический идеализм, утверждая, что идеализм должен пониматься не как онтологическая теория о предполагаемой нематериальной природе мира, а как набор логических инструментов, с помощью которых метод задает все параметры предмета, его полностью определяет. При этом весьма контрастно смотрятся утверждения автора о том, что он, с одной стороны, вовсе не занимается онтологической или гносеологической проблематикой в истории, но вместе с тем нацелен на концептуальный анализ, а с другой стороны, ставит себе такую грандиозную задачу, как отыскание и демонстрация «априорных понятий и предпосылок истории как формы знания и мышления»¹⁴. Причем с уточнением, что речь идет не о логических априорных предпосылках и условиях определения истинности утверждений об истории, а лишь о том, при каких таких предпосылках соответствующие утверждения могут быть признаны. Это положение выводится со ссылкой на идеи английского политического философа XX в. М. Оукшотта, у которого историческое познание рассматривалось как один из способов мышления¹⁵.

В книге М. Оукшотта утверждается, что популярные нарративистские и конструктивистские позиции в теории истории, представленные А. Данто, Х. Уайтом, Ф. Анкерсмитом, Л. Гольдштейном и П.А. Ротом, не дают удовлетворительных ответов на центральный вопрос: как следует понимать связь между прошлым и настоящим в историческом исследовании. Нарративисты, по мнению Альскога, склонны интерпретировать ретроспективное описание, которое действительно является одним из центральных аспектов работы историка, как будто это единственный способ исторического исследования соотносить себя с прошлым. Конструктивисты, как полагает Альског, склонны молчаливо полагаться на позитивистские концепции о «реальном прошлом» и тем самым не понимают надлежащей функции этой концепции в исторических исследованиях и, следовательно, реальности исторического прошлого. Наконец, утверждается, что отношение к прошлому в истории и роль концепции реального прошлого могут быть правильно поняты только при учете предпосылок и априорных концепций, присущих историческому методу¹⁶.

¹⁴ Ibid. P. 3.

¹⁵ См.: Oakeshott M. On history and other essays. Totowa, 1983.

¹⁶ См.: Ahlskog J. Op. cit. P. 3.

¹² Ahlskog J. Op. cit. P. 1.

¹³ Ibid.

Заявляя о примате метода по отношению к популярным представлениям об истории в рамках современных дискуссий, Альског утверждает, что исторический метод обращения к смысловой перспективе исторических агентов является чем-то простым, непреложным и основополагающим — чем-то, без чего не может быть «истории» как особого способа сделать человеческий мир понятным¹⁷. Возможно, именно простота и привычность исторического метода привели философов истории к недооценке его фундаментальной роли для понимания отношения к прошлому в исторических исследованиях¹⁸.

С одной стороны, ориентация на коммуникацию как познавательный прием или даже учредительный акт о знаниях, на логическую чистоту познавательных средств и приемов часто использовалась в истории для преодоления инертности науки, устранения ее устаревших форм, одним словом — служила задачам обновления, своего рода реализации борьбы за творческую свободу, позволяла поставить под сомнение закостеневшие формы представлений. Ярчайшие примеры — Сократ, обращаясь к самопознанию, Декарт, утверждающий, что единственным самоочевидным фактом является наличие сознания, Кант, заставивший весь мир вращаться вокруг сознания. Это все примеры критицизма. Бесспорно то, что все они способствовали существенным сдвигам в философии и науке. И современная эпоха явно испытывает дефицит здравомысленных критических подходов, в том числе к истории, особенно истории политической и правовой мысли.

Однако, с другой стороны, было бы странно и бессмысленно утверждать, что наука состоит только из критицизма. Тот же Кант уверял, что для подлинной метафизики, как науки, одинаково важны и догматизм, и критицизм¹⁹. Голый дискурс явно мало пригоден для развития науки. Советский ученый, специалист в области зарубежного государственного права И.Д. Левин очень точно заметил, что для общения нужно, чтобы человек осознавал себя, ведь далеко не все, что мы знаем о себе, что представляем о себе и для себя, мы передаем в общении. Общению должно предшествовать значительно более глубокое и объемлющее сознание себя. И очевидно, что чем оно лучше, тем содержательнее может быть общение. Так что идея условий, при которых кто-то (!) будет признавать исторические факты существующими или

не существующими, выглядит не только пустой, но и опасной для самой европейской науки. Такой подход легко подвержен политическим и идеологическим манипуляциям, искажением, опасности отрицания других культур, других историй. Несомненно, что современная наука в своих историографических подходах может и должна развиваться на значительно более широком и объемлющем культурном основании. Для подлинной науки важны и познавательные идеи европейской, русской, китайской, индийской, иранской философии, народов Востока и Запада, Севера и Юга.

Когда исследователь изучает европейскую философию, политическую и правовую мысль, он, к сожалению, не найдет там подлинно научного обращения к другим культурам и народам. Древность представлена там значительно лучше, так как это важно для собственной легитимации. Однако сведения, например, о русской философской и юридической литературе крайне скудные, а часто вообще искаженные. Яркий пример тому — это то, как обсуждает Г. Радбрух творчество Л.Н. Толстого, исключительно в пересказе одного из русских эмигрантов, защитившего в одном из немецких университетов диссертацию о творчестве Толстого и Достоевского. Хотя многие произведения русского классика были доступны немецкому читателю в переводе. Поэтому у Радбруха дается весьма противоречивое изложение взглядов Толстого, которому он отказывает в разрешении на критику позитивного права, но одновременно признает его за другими писателями и поэтами, которые резко высказывались о праве, порывали с юридической профессией, требуя перемен по поводу злободневных вопросов²⁰.

С момента формирования теории исторического знания как научной дисциплины она постоянно претерпевала изменения, сопровождалась различными толкованиями и трактовками, философскими обновлениями, диверсификацией методов и прочими переменами. Сегодня в мировой литературе постоянно наблюдаются определенные трансформации в характере и направлениях развития философии исторического знания и познания. Причины перемен разные: в одних случаях объективный качественный и количественный рост знаний, появление новых методов, уточнений, результаты специальных и общетеоретических исследований в области исторического познания; в других же изменения продиктованы искусственными факторами и причинами, которые далеко не всегда имеют положительное влияние на науку. Во всяком случае, занимаясь теорией истории политико-правовых учений, необходимо знать состояние научной мысли в вопросах осмысления

¹⁷ Альског решение проблемы поиска логических предпосылок исторического познания видит в использовании приемов психоанализа, но не как натуралистической теории, а как «герменевтического средства».

¹⁸ См.: *Ahlskog J.* Op. cit. P. 3.

¹⁹ См.: *Кант И.* Указ. соч. Предисл. ко 2-му изд.

²⁰ См.: *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004.

теории исторического знания и познания, быть осведомленным о различных трактовках и историографических построениях, факторах, влияющих на развитие современной историко-правовой науки и философии права. Трактовки исторического познания и знания могут существенно влиять на изменение представлений об истории вообще, об историографических моделях.

Идея «путь права», «путем права» является конструктивной для историографии. Каждое общество, государство, каждый народ или индивидуум могут двигаться путем права, то придерживаясь, то отклоняясь от намеченного пути. Можно (в том числе в исторической ретроспективе) сказать, что то или иное общество идет путем права, стремится поддерживать свое хождение, создает для этого соответствующие условия, чтобы движение путем права стало наиболее выгодным маршрутом, но говорить о том, что какое-то общество раз и навсегда достигло правового состояния, исчерпывающим образом его выражает, было бы и логической и исторической ошибкой. В данном случае можно привести одну из емких и справедливых по сути трактовок творческой деятельности человека, которая дана М.К. Мамардашвили: «Древние философы утверждали, что зло делается само собой, а добро нужно делать специально и все время заново, оно, даже сделанное, само не пребывает, не существует. Этот вывод, как мне представляется, в равной мере относится <...>, с одной стороны, к науке как познанию (этой мерцающей, пульсирующей точке, связанной с возможным человеком и требующей постоянного, специального усилия), а с другой стороны, к науке как собственно культуре (в смысле человекообразующего действия упорядочивающих жизненный хаос структур)»²¹.

Историческая школа права и многие ее адепты, особенно О. Гирке, показали, что право внутри европейской традиции — это отнюдь не только так называемая, индивидуально-атомистическая римская юриспруденция, которую можно взять раз и навсегда в качестве универсального средства. Они искали право внутри национального сознания, в истории народа и характерных для него представлений о справедливом устройстве общественных дел и управлении государством. О. Гирке пытался найти народный дух права в образе древней германской общины. В свою очередь, тот же О. Гирке доказывал, что праву в его римском образе совершенно не достает социального характера. Этому посвящены многие работы немецкого юриста, особенно «Социальная задача права» и многотомное сочинение о товариществе в немецком

праве²². Если последовать О. Гирке, весьма влиятельному и известному юристу не только своей эпохи — во второй половине XIX в., то ведь тогда национальная история политической и правовой мысли в Германии должна мыслиться прежде всего как история развития внутригерманских форм народного правового мышления.

Никакие стремления к идеалу правового государства не сделали западноевропейскую философию права хранительницей идеала права, да и в своих разнообразных концепциях, учениях и доктринах она и вовсе часто отменяла право, выносила смертный приговор праву, обещала его отмирание вместе с другими формами духовной культуры человечества при определенных социальных условиях. И.А. Ильин, например, писал о чертах правосознания (его определенного состояния) европейцев следующее: «Оторванное от своей конечной задачи и от *корней истинного правосознания*, право, естественно, превращается в беспринципное, самодовлеющее средство; оно <...> вырождается в пустую формальную видимость; ему уже достаточно, если люди повинуются ему по лени, блюдут его из корысти, не нарушают его из страха; ему уже достаточно, если “по внешности” все “благополучно”, хотя бы за этой внешностью скрывалось глубокое внутреннее разложение, а за этим благополучием — неизбежность грядущих бед и падений»²³.

По мнению И.А. Ильина, «правосознание, доспевшее лишь до *внешней легальности*, остается незрелым правосознанием. В самом деле, долгая и постоянная дрессура, идущая из поколения в поколение, — писал выдающийся русский ученый, — может приучить душу к сознательному соблюдению законной формы и законного предела в поступках. <...> И за всем этим, внешне блестящим правопорядком может укрываться *правосознание озлобленного раба*»²⁴. «Оно принимает и соблюдает в отношениях законную форму, — подчеркивает И.А. Ильин, — но молчаливо тяготится ею, испытывая ее как кандалную цепь. Притаившись, оно по-прежнему продолжает искать лиц и положений, незащищенных или недостаточно защищенных правом, и заполняет эти пробелы деятельностью, которая хотя и не расходится с буквой “действующего” закона, но всецело противоречит *духу и цели права*; хищная и властолюбивая душа по-прежнему

²² См.: *Gierke O. Die soziale Aufgabe des Privatrechts: Vortrag, gehalten am 5. April 1889 in der juristischen Gesellschaft zu Wien. Berlin, 1889; Ego же. Das deutsche Genossenschaftsrecht. Bd. 1: Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft. Unveränd. photo-mechan. Nachdr. der 1. Ausg Darmstadt, 1954.*

²³ *Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 218.*

²⁴ Там же. С. 223.

²¹ *Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию: сб. / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. 2-е изд., изм. и доп. М., 1992. С. 57.*

ищет себе гелота и находит его в лице неорганизованного пролетария, колониального инородца или беззащитного иностранца»²⁵. И не менее точными во многих исторических отношениях выглядят и такие оценки незрелого правосознания европейцев, которые давались И.А. Ильиным в его сочинениях: «Такое правосознание постоянно ненавистничает и ждет только, чтобы внешний правовой авторитет снял с него хотя бы на время стесняющие запреты, и призыв к войне, например, означает для него, что в лице “врагов” явилась группа абсолютно неспособных людей, про которых “закон не писан”: по отношению к ним все позволено и всякое насилие считается по праву разрешенным»²⁶.

Ужасы XX в. в виде фашизма, национал-социализма и прочих аналогичных преступных идеологий, связанных с колониализмом, рабовладением, инквизицией, заставляют самым серьезным образом усомниться в том, что только здравомысленные и положительные идеалы составляют основу западноевропейской культуры и философии. Отказ от этих преступных идеологий произошел, как известно, не изнутри, не путем внутреннего осознания античеловеческого характера расовой теории национал-социализма и ее преступных проявлений, а в результате победы этого зла Советской Армией и советским народом с учетом определенного вклада государств-союзников и путем осуждения соответствующих идеологий приговором Нюрнбергского трибунала. Хотя в Германии в период после Второй мировой войны было массовое явление винить в своих преступлениях и ошибках мыслителей прошлого²⁷.

Историография политико-правовой мысли — это не только научно-познавательная дисциплина, так как она выполняет и другие важные функции, а именно социально-практическую, идеологическую, организационно-координирующую, просветительскую.

Для юридических наук историографическая проблематика, несмотря на определенный опыт разработки ее важных аспектов, пока остается насущной задачей, не имеющей однозначных решений и не удовлетворяющей современным требованиям ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Пока лишь речь идет о том, чтобы на основе разбросанного и фрагментарного материала исследовать основные направления развития историографических аспектов политико-правовых знаний

и сформулировать пропедевтическую теорию историографии политических и правовых учений.

В структуре историографии политико-правовых учений можно различать источниковедческую часть, которая призвана исследовать вопросы познаваемых источников: их виды, типы, жанры, классификации, характер, и собственно теоретическую часть — науку истории политических и правовых учений. Важную роль играет вопрос о типах моделей в историографии, включающих разработку таких аспектов, как формально-жанровые, тематические, событийные и обыденные, национально-региональные, языковые и др. В источниковедении важна не только формально-жанровая и историко-периодизационная разработка и классификация источников, но например и историко-топографическая.

П.А. Флоренский в ряде своих сочинений обозначил и описал по мере связи с основным предметом его размышлений несколько аспектов, принципиально важных для теоретической и методологической разработки науки историографии политических и правовых учений. Так, для раскрытия философии культа он выделил в деятельности человеческого общества три стороны: теоретическую, практическую и литургическую²⁸, которые на обыденном языке могут обозначаться как мировоззрение, хозяйство и культ²⁹. Эти размышления имеют самое непосредственное отношение к природе и истории духовного или интеллектуального творчества человечества, к изучению данного творчества. Они позволяют отчетливо взглянуть на то, каким образом моменты смыслового (теоретического), технического (практического) и сакрального (литургического) соединяются и проявляются, в частности, в истории политической и правовой культуры человечества и ее конкретных воплощений. Анализируя отдельный правовой памятник прошлого — Законы Хаммурапи или Русскую Правду, философско-правовой трактат «Слово о Законе и Благодати» Илариона, сочинение «Цель в праве» Р. Иеринга — мы непременно найдем в этом конкретном применении человеческой культуры и смысловой (теоретический) компонент, и технический (жанр, форма, воплощенность), и сакральный, который демонстрирует духовно-нравственный, ценностный момент соответствующей творческой деятельности, его некую логическую перво-деятельность, как пишет П. Флоренский. Сакральный момент может быть явно обозначенным и сокрытым, но читаемым. В этом значении изучение, например, работ немецких идеалистов означает не только воспроизведение

²⁵ Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 224.

²⁶ Там же.

²⁷ См. об этом подр.: Schelsky H. Die Soziologen und das Recht: Abhandlungen und Vorträge zur Soziologie von Recht, Institution und Planung. Opladen, 1980.

²⁸ См.: Флоренский П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии). М., 2014. С. 61.

²⁹ См.: там же.

содержащихся в них логических размышлений, но и понимание их культовой составляющей (в смысле общественно-религиозного сознания, культурных ценностей), не говоря уже об эстетике, текстах и прочих средствах выразительности.

В различении аналитических и синтетических суждений, на основе которых Кант строит свою систему «Критики чистого разума», можно видеть размышление о философии, стремящейся к логическому расширению знаний, к человекообразной логике, редуцированной до способности познания и его пределов, и т.д. Но в этом также нельзя не видеть спор с католической схоластикой — догматизма, основанного на аналитических суждениях, и протестантизма с его «свободой духа», проявление укорененного в самых основах протестантизма агностицизма — отказа от догматики, от авторитетных мнений и пр. Флоренский пишет: «Кант, до мозга костей протестант, не знал культа в собственном смысле (ибо, конечно, у протестантов, поскольку они действительно верны своим стремлениям, — не культ, а так, одни разговоры, и — не метафизическое выхождение из своей самозамкнутости к иным премирным реальностям, а лишь шекотание и возбуждение своей субъективности ...)»³⁰. «Кант думал избавиться от культа. Но он-то и доказал, что философия не может существовать иначе, как философией культа»³¹.

Вообще, когда протестантскую философию называют свободной от религии, то это выглядит весьма странно. Принципиальное значение религиозного, или, точнее, общественно-религиозного сознания, прямо признавалось большинством философов, например, той же протестантской традиции. Если читать западноевропейскую философию, хорошо подготовившись в основах соответствующих ответвлений христианства, то логические построения в изучаемых работах отнюдь не выглядят такими уж свободными и оригинальными. Да и почему они должны отрываться от глубоких корней национальной культуры. Противоположное было абсурдным. Флоренский пишет: «Религия есть материнское лоно философии. <...> Философия есть беглая дочь своей матери; но и в странствовании и падении она несет в себе родные кровь, и черты, и манеры, и в них видится нам религия, и не уйти философии от самое себя»³².

П. Флоренский, размышляя о связи религии и культуры, в частности о необходимости антиномичной деятельности разума, в которой гармонично сопрягается реальность и осмысленность, соединяется деятельность реализации и деятельность осмысливания, ссылаясь на пример художественного

творчества, в котором, по мысли богослова и философа, происходит соединение практической стороны — воплощение разумом своих замыслов с теоретической стороной — осмысливанием деятельности³³.

Поскольку история философии права, история политической и правовой мысли занимается прежде всего историей интеллектуального творчества человечества в определенной сфере жизненной практики, то, по аналогии с размышлениями П. Флоренского, можно сказать, что для постижения данной области знаний необходимо фиксировать различие и единство названных моментов: деятельности реализации (практической стороны) и деятельности осмысливания (теоретической стороны). Такое соотношение моментов может постигаться в разных ракурсах. Этот познавательный прием может быть успешно применен внутри одного произведения или индивидуального творчества, а может эффективно использоваться в рамках изучения всей истории политико-правовой мысли. При этом деятельность литургическая, или деятельность, производящая святыни, о которой уже говорилось выше, выступающая, по мнению П. Флоренского, «сердцевиной деятельности человека вообще»³⁴, очень часто упускается, что ведет к ложным выводам и представлениям. Последний — литургический момент, — вероятно, может пониматься не только в строго религиозном смысле, но и в значении всей совокупной характеристики культуры конкретного народа. Здесь мировоззренческий (теоретический) момент тесно смыкается с сакральным (литургическим). Ведь и сам русский философ, отец П. Флоренский, когда пишет о распаде единства человеческой деятельности и сужении феургии, как «средоточной задачи человеческой жизни», до обрядовых действий, до культа в позднейшем смысле слова, указывает на то, что в итоге «деятельности жизни <...> стали плоски, поверхностны, без внутреннеценного содержания»³⁵.

Наука в учении П. Флоренского относится к мировоззрению, к теоретической стороне деятельности общества. «Мировоззрение — это совокупность понятий о мире, нравственности, праве, Боге — вообще обо всем, de omni re scibili; оно есть мифология, догматика, наука»³⁶. Поэтому мировоззрение и культ оказываются совершенно неразделенными. Отсюда и философия Платона понимается как философия культа — «культула, пережитого глубоким и мудрым мыслителем»³⁷.

³⁰ Флоренский П. Философия культа (Опыт православной антропологии). М., 2014. С. 104.

³¹ Там же. С. 105.

³² Там же. С. 99.

³³ См.: там же. С. 56.

³⁴ Там же. С. 60.

³⁵ Там же. С. 57.

³⁶ Там же. С. 61, 62.

³⁷ Там же. С. 106.

В другой работе П. Флоренского «У водоразделов мысли»³⁸, в которой, размышляя о делении наук на науки о природе и культуре — модном делении для эпохи П. Флоренского (номографические и идеографические науки у Виндельбанда, Риккерта), он, объясняя, почему надо заниматься причинными рядами в естествознании и генеалогическими в истории, писал: «Себя чувствовать надо не затерявшимся в мире, пустом и холодном, не быть бесприютным, безродным; надо иметь точки опоры, знать свое место в мире... Надо чувствовать за собою прошлое, культуру, род, родину. У кого нет рода, у того нет Родины и народа. Без генеалогии нет патриотизма: начинается космополитизм — “международная обшлыга”, по слову Достоевского. Чем больше связей, чем глубже душа вросла в прошлое, чем богаче она обертонами, тем она культурнее. <...> Идеи, чтобы быть живыми, должны быть с фундаментом, с прошлым; мы должны чувствовать, что не сами сочиняем свои теории (сочинительство, игра в жизнь), а имеем то, что выросло, что почвенно»³⁹.

В 1973 г. известный физик С.П. Капица опубликовал книгу под названием «Жизнь науки»⁴⁰, в которой в жанре антологии попытался показать историю творческих замыслов классиков естествознания. Эта работа ценна для историографии политико-правовой мысли в методологическом отношении. «Мы видим работу живой мысли, диалектику законов познания природы, основанную на наблюдении и опыте, на взаимосвязи теории и практики. Во фрагментах, обладающих замечательной цельностью лучших образцов научной прозы, мы увидим отражение личности автора и печать времени, иногда заблуждения гения: перед нами проходит жизнь науки»⁴¹. Заслуживает внимания и следующее пояснение автора: «Общедоступная летопись науки, ее автобиография, обращена к читателю, рожденному в эпоху научно-технической революции. Ему она должна показать, как на протяжении всего нескольких веков трудами ученых разных стран и различных школ шаг за шагом создавалась система миропонимания, давшая человечеству современную власть над природой»⁴².

³⁸ Флоренский П.А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики): в 2 т. М., 2013. Т. 2. С. 29.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Жизнь науки: антология вступлений к классике естествознания / сост. и авт. биограф. очерков С.П. Капица. М., 1973. Видимо, это был своего рода ответ на работу его отца: Капица П.Л. Жизнь для науки: Ломоносов, Франклин, Резерфорд, Ланжевэн. М., 1965.

⁴¹ Жизнь науки: антология вступлений к классике естествознания / сост. и авт. биограф. очерков С.П. Капица. С. 12.

⁴² Там же.

Раскрытие содержания творческих замыслов с точки зрения их обнаружения, формулирования и реализации в последующем творчестве чрезвычайно важная и познавательная задача. Однако она относится к категории повышенной сложности, так как требует глубоких специальных исследований, объемного мышления⁴³. В определенной мере данный срез коррелирует с пониманием истории как конкурирующих научно-исследовательских программ (Т. Кун⁴⁴, И. Лакатос⁴⁵).

Теоретический компонент, который фиксируется в развитии отвлеченного мышления, будь то относительно отдельного мыслителя или истории мысли в целом, дополняется практическим в индивидуальном или социальном контексте. У одних мыслителей мы находим тезисные, небольшие по объему размышления, либо они вовсе не оставили письменного наследия, но при этом их идеи и суждения могут сопровождаться значимыми моментами влияния, популяризации, культурного значения. Можно привести пример античного философа Сократа, о размышлениях которого мы узнаем лишь в пересказе Платона, либо преподобного Сергия Радонежского, о жизни, мыслях и благодеяниях которого узнаем также в основном с помощью трудов Епифания Премудрого и др. У других, напротив, предлагаются объемные теоретические изложения, что, однако, не означает автоматического положительного ответа на вопрос об их смысле и значении. Одни мыслители ограничивались творческим выражением своих представлений, другие же предлагали конкретные практические советы, обращенные к современникам или потомкам. Во всяком случае моменты реализации и осмысливания в культурной идентификации знаний оказываются чрезвычайно важными для историографических задач.

Э. Радлов в предисловии к изданию статей и воспоминаний П.Л. Лаврова пишет: «Как естественный процесс, история вполне необходима во всех частностях, и личность не может видоизменять ход истории. Однако в сознании исторических личностей история есть результат деятельности их ума и воли. Для историка весь интерес истории заключается в постепенном осуществлении нравственного идеала»⁴⁶. Вот,

⁴³ См.: Горбань В.С. История философии права как рефлексия научно-исследовательских программ // Право и общество в эпоху перемен: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. М., 2008. С. 48–64.

⁴⁴ См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.

⁴⁵ См.: Лакатос И. Избр. произв. по философии и методологии науки: доказательства и опровержения (как доказываются теоремы). История науки и ее рациональные реконструкции. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса; сост. общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Поруса. М., 2008.

⁴⁶ Радлов Э. Лавров в русской философии // П.Л. Лавров: статьи, воспоминания, материалы. Петербург, 1922. С. 7.

в частности, пример историографии западноевропейской философии права в одном из лучших ее образцов в русской досоветской литературе. Это работа П.И. Новгородцева, в которой он сосредоточился на том, чтобы объяснить всю историю западноевропейской философии права как исключительного стремления к поиску идеала правового государства, правового идеала⁴⁷. Притом, что и эта тенденция может быть зафиксирована в истории политической и правовой мысли Западной Европы, однако она отнюдь не является исчерпывающей, да и вовсе содержит много белых пятен в прояснении различных содержательных характеристик соответствующих интеллектуальных поисков, которые связываются с эволюцией представлений о праве.

П.И. Новгородцев сам был большим романтиком идеалистической философии, особенно идеи естественного права, выхватывая из истории мысли тот (нравственный) идеал, который ему представлялся наиболее удачным. Поэтому в его, тем не менее, весьма познавательной работе дается апологетика западноевропейской философско-правовой литературы в исключительно положительно-поисковом ключе, совершенно не критически. Однако нужно заметить, что и во времена П.И. Новгородцева проблематика свободы, характерная для его творчества и интересов, требовала значительно более точного объяснения, так как связана с разными философскими и религиозными смыслами и трактовками. Кроме того, по своей стилистике предложенная П.И. Новгородцевым весьма яркая и возвышенная манера обсуждения отнюдь не ограничивается простым сообщением, а использует, так сказать, квазипоэтический прием, который скорее имеет эффект воздействия, внушения; текст с филологической точки зрения становится не научно терминованным, а поэтически тропированным, что делает его для читателя значительно более интересным и привлекательным, но в то же время создает ощущение избыточного воодушевления, окрашенности значительно более сложного феномена не научной критикой, а яркими средствами выразительности. Часто складывается одностороннее впечатление, что западноевропейская мысль только и была занята поисками всеобщего и равного права, что на самом деле было иначе.

Ведь, например, гегелевский идеал реализованной свободы — это вовсе не призыв к творчеству, к деланию своей истории и преобразованию действительности, к устранению несправедливости; нередко совсем напротив, это призыв к сдержанности, это настроение реакции, желание примирить общество с действительностью. А к чему призывали левые гегельянцы в лице Маркса и Энгельса? К идеалу

правового государства? Разве не внушали представители исторической школы мысль современникам, что ни в коем случае не следует вмешиваться в естественный, органический ход раскрытия правосознания народа, отказываясь не только от скороспелых, но и любых законодательных новшеств вообще? Весьма примечательно продемонстрировал влияние этой установки т.н. парад романистов, характерный, например, для венского университета, когда, дабы избежать любых революционных настроений, приглашали преподавателей исключительно лояльных духу исторической школы права с ее безмятежным и умиротворяющим настроением. Или известный правовед, берлинский прокурор Ю. Кирхманн не уверял современников в «бесполезности юриспруденции как науки»?⁴⁸

Для хорошей и добросовестной профессиональной литературы в области историографии политической и правовой мысли необходимы оба качества — и четкая научная терминованность, повествование, сообщение, и поэтическая тропированность, которая служит лишь средством более ярких и привлекательных для читателя высказываний, но не пытается заместить собой смысл. Например, сочинения К. Савиньи, хотя и придерживаются научного терминованного стиля, но, вместе с тем, особенно его «О призвании нашего времени к законодательству и правоведению»⁴⁹, яркая тропированность значительно доминирует, что придавало этому сочинению особую привлекательность среди читателей. В творчестве Р. Иеринга именно яркие отчетливые характеристики, умело подобранные средства выразительности существенно доминируют. Весьма показательно выглядит в этом отношении его труд «Цель в праве»⁵⁰. Большинство читателей, включая ученых и профессиональных юристов, увлекаясь яркими образами о праве как политике силы, о праве как системе принудительных норм, о том, что цель является творцом всего права, и др., просто оставляли без внимания вторую часть первого тома сочинения, в которой автор решительно заявляет, что рассмотренные выше в его книге моменты нормы и принуждения, которые так красочно и логически точно были показаны, очень мало значат для достижения того состояния, которое можно назвать *правовым*, что если ограничиться лишь эти моментами, то речь будет вестись только о деспотии. Однако в последующем подавляющее большинство комментаторов творчества Р. Иеринга, не без вины самого автора, упрощали его правовые представления до определения права как системы

⁴⁸ Kirchmann J.H. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag. Berlin, 1848.

⁴⁹ Savigny F. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.

⁵⁰ Jhering R. Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / Erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904.

⁴⁷ См.: Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права: учения Нового времени, XVI–XIX вв. 3-е изд., испр. М., 2010.

принудительных норм, что не соответствует действительности. Другой современник, ученик и друг Р. Иеринга А. Меркель, ставший не менее значимым представителем немецкой юриспруденции в истории юридической мысли XIX в., отличался значительно более простым стилем изложения своих взглядов. Это уже очень терминованный, четко структурированный подход к теории права, родоначальником обособления которой от философии права, прежде всего немецкого идеалистического исполнения, он справедливо признается⁵¹.

* * *

Историографические исследования политико-правовых учений необходимы для формирования представлений о состоянии политико-правовых знаний, типах и характере отбора, структурирования материала, для расширения познавательных горизонтов и направлений развития современных политико-правовых знаний на основе использования больших массивов данных. История политико-правовых учений выполняет и прогностическую функцию, способствуя выработке представлений о правовых образах будущего. Историографические исследования важны для укрепления позиций национальной науки, популяризации ее достижений, защиты исторической правды и национального самосознания от цивилизационных искажений и фальсификаций. Такие исследования должны быть направлены на более полные и глубокие исследования возникновения и эволюции политико-правовой культуры человечества во всем ее разнообразии и с учетом типов развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбань В.С. История философии права как рефлексия научно-исследовательских программ // Право и общество в эпоху перемен: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2008. С. 48–64.
2. Жизнь науки: антология вступлений к классике естествознания / сост. и авт. биограф. очерков С.П. Капица. М., 1973. С. 12.
3. Замятин Е.И. Мы. Повести и сказки. СПб., 2021.
4. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 218, 223, 224.
5. Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. М., 1994. С. 35.
6. Капица П.Л. Жизнь для науки: Ломоносов, Франклин, Резерфорд, Ланжевэн. М., 1965.
7. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
8. Лакатос И. Избр. произв. по философии и методологии науки: доказательства и опровержения (как доказываются теоремы). История науки и ее рациональные реконструкции. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса; сост. общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Поруса. М., 2008.
9. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию: сб. / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. 2-е изд., изм. и доп. М., 1992. С. 57.
10. Миллюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913. С. 1.
11. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права: учения Нового времени, XVI–XIX вв. 3-е изд., испр. М., 2010.
12. Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
13. Радлов Э. Лавров в русской философии // П.Л. Лавров: статьи, воспоминания, материалы. Петербург, 1922. С. 7.
14. Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.
15. Флоренский П.А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики): в 2 т. М., 2013. Т. 2. С. 29.
16. Флоренский П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии). М., 2014. С. 56, 57, 60–62, 99, 104, 105, 106.
17. Чичерин Б.Н. История политических учений: в 5 ч. Ч. 1. Древность и Средние века. М., 1869. С. 2.
18. Шершеневич Г.Ф. История философии права. 2-е изд. СПб., 1907. С. 208.
19. Ahlsgog J. The Primacy of Method in Historical Research: Philosophy of History and the Perspective of Meaning. Routledge, 2020. Pp. 1, 3.
20. Bergk J.A. Briefe über Immanuel Kant's Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, enthaltend Erläuterungen, Prüfung und Einwürfe. Leipzig; Gera, 1797. S. IX.
21. Gierke O. Das deutsche Genossenschaftsrecht. Bd. 1: Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft. Unveränd. photomechan. Nachdr. der 1. Ausg Darmstadt, 1954.
22. Gierke O. Die soziale Aufgabe des Privatrechts: Vortrag, gehalten am 5. April 1889 in der juristischen Gesellschaft zu Wien. Berlin, 1889.
23. Jhering R. Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / Erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904.
24. Kirchmann J.H. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag. Berlin, 1848.
25. Merkel A. Ueber das Verhältniss der Rechtsphilosophie zur "positiven" Rechtswissenschaft und zum allgemeinen Teil derselben // Zeitschrift für das privat- und öffentliche Recht der Gegenwart, 2 Teile in 1, Band 1, Wien 1874. S. 402–421.
26. Oakeshott M. On history and other essays. Totowa, 1983.
27. Savigny F. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.
28. Stephani H. Anmerkungen zu Kants metaphysischen Anfangsgründen: des Rechtslehre. Bei Johann Jakob Palm, 1797. Предисловие.

⁵¹ См.: Merkel A. Ueber das Verhältniss der Rechtsphilosophie zur "positiven" Rechtswissenschaft und zum allgemeinen Teil derselben // Zeitschrift für das privat- und öffentliche Recht der Gegenwart, 2 Teile in 1, Band 1, Wien 1874. S. 402–421.

29. *Schelsky H.* Die Soziologen und das Recht: Abhandlungen und Vorträge zur Soziologie von Recht, Institution und Planung. Opladen, 1980.

REFERENCES

1. *Gorban V.S.* The history of Philosophy of Law as a reflection of scientific research programs // Law and society in the era of change: materials of philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersesyants. M., 2008. Pp. 48–64 (in Russ.).
2. The life of science: an anthology of introductions to the classics of natural science / comp. and auth. biographical sketches of S.P. Kapitsa. M., 1973. P. 12 (in Russ.).
3. *Zamyatin E.I.* We. Stories and fairy tales. SPb., 2021 (in Russ.).
4. *Ilyin I.A.* The general doctrine of law and the state. M., 2006. Pp. 218, 223, 224 (in Russ.).
5. *Kant I.* Collected works: in 8 vols. Vol. 3. Criticism of pure reason. M., 1994. P. 35 (in Russ.).
6. *Kapitsa P.L.* Life for science: Lomonosov, Franklin, Rutherford, Langevin. M., 1965 (in Russ.).
7. *Kuhn T.* The structure of scientific revolutions. M., 2003 (in Russ.).
8. *Lakatos I.* Selected works on philosophy and methodology of science: proofs and refutations (how theorems are proved). The history of science and its rational reconstructions. Falsification and methodology of research programs / transl. from the English I.N. Veselovsky, A.L. Nikiforov, V.N. Porus; comp. general ed. and the introductory article by V.N. Porus. M., 2008 (in Russ.).
9. *Mamardashvili M.K.* How I understand philosophy: collection / comp., introductory article and general ed. by Yu.P. Senokosov. 2nd ed., ed. and add. M., 1992. P. 57 (in Russ.).
10. *Milyukov P.N.* The main trends of Russian historical thought. 3rd ed. St. Petersburg, 1913. P. 1 (in Russ.).
11. *Novgorodtsev P.I.* Lectures on the history of the Philosophy of Law: the teachings of the New Time, XVI–XIX centuries. 3rd ed., corrected. M., 2010 (in Russ.).
12. *Radbruch G.* Philosophy of Law. M., 2004 (in Russ.).
13. *Radlov E.* Lavrov in Russian philosophy // P.L. Lavrov: articles, memoirs, materials. Petersburg, 1922. P. 7 (in Russ.).
14. *Savenkov A.N.* Nuremberg: Verdict for name of Peace. M., 2021 (in Russ.).
15. *Florensky P.A.* At the watersheds of thought (Features of concrete metaphysics): in 2 vols. M., 2013. Vol. 2. P. 29 (in Russ.).
16. *Florensky P.A.* Philosophy of cult (The experience of Orthodox anthropodicy). M., 2014. Pp. 56, 57, 60–62, 99, 104, 105, 106 (in Russ.).
17. *Chicherin B.N.* The history of political teachings: in 5 parts. Part 1. Antiquity and the Middle Ages. M., 1869. P. 2 (in Russ.).
18. *Shershenevich G.F.* History of Philosophy of Law. 2nd ed. St. Petersburg, 1907. P. 208 (in Russ.).
19. *Ahlskog J.* The Primacy of Method in Historical Research: Philosophy of History and the Perspective of Meaning. Routledge, 2020. Pp. 1, 3.
20. *Bergk J.A.* Briefe über Immanuel Kant's Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, enthaltend Erläuterungen, Prüfung und Einwürfe. Leipzig; Gera, 1797. S. IX.
21. *Gierke O.* Das deutsche Genossenschaftsrecht. Bd. 1: Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft. Unveränd. photomechan. Nachdr. der 1. Ausg Darmstadt, 1954.
22. *Gierke O.* Die soziale Aufgabe des Privatrechts: Vortrag, gehalten am 5. April 1889 in der juristischen Gesellschaft zu Wien. Berlin, 1889.
23. *Jhering R.* Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / Erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904.
24. *Kirchmann J.H.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag. Berlin, 1848.
25. *Merkel A.* Ueber das Verhältniss der Rechtsphilosophie zur "positiven" Rechtswissenschaft und zum allgemeinen Teil derselben // Zeitschrift für das privat- und öffentliche Recht der Gegenwart, 2 Teile in 1, Band 1, Wien 1874. S. 402–421.
26. *Oakeshott M.* On history and other essays. Totowa, 1983.
27. *Savigny F.* Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814.
28. *Stephani H.* Anmerkungen zu Kants metaphysischen Anfangsgrunden: des Rechtslehre. Bei Johann Jakob Palm, 1797. Preface.
29. *Schelsky H.* Die Soziologen und das Recht: Abhandlungen und Vorträge zur Soziologie von Recht, Institution und Planung. Opladen, 1980.

Сведения об авторе

ГОРБАНЫ Владимир Сергеевич — доктор юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного Центра философско-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GORBAN Vladimir S. — Doctor of Law, Head of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center for Philosophical and Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia